

- Молодой господин, с вами все в порядке?

Слуга по имени Кобб стремительно ринулся к супружеской паре, увидев, что с господином что-то не так. Он хотел помочь Эвану, но тот сам вполне смог встать на ноги, хотя буквально минуту назад был совсем не против воспользоваться помощью Ларии.

Скорее всего, в ее присутствии он поник и утратил свой запал...

Кобб быстро отказался от идеи помочь своему господину, словно больше не о чем было переживать, и встал в вежливую позу, спрятав руки за спиной.

Эван небрежно отряхнулся от грязи и пригладил волосы. Кобб был немного смущен сложившейся ситуацией, поскольку девушка попросила его чуть ли не тащить молодого хозяина на себе и он был готов это сделать, но сейчас что-то изменилось и слуга в растерянности стоял, ожидая приказа.

Лария и Эван, казалось, о чем-то шептались между собой, но поскольку они находились слишком далеко, чтобы что-то услышать, Коббу было трудно разобраться в ситуации.

Лария вдруг отошла от мальчика и направилась в сторону резиденции.

- Со мной все в порядке, - сказал Эван, поднимая лежащий на полу деревянный меч, и обратился к Коббу, - как тебя зовут?

- Кобб Йохансон, милорд.

- Ты женат?

- Пока еще не пришлось.

- Тогда можешь быть свободен. Я не могу спрашивать совета у человека, который не был в отношениях.

- Ну... На самом деле, у меня были довольно долгие отношения, но, к сожалению, не так давно мы расстались.

Эван слегка нахмурил брови, услышав о расставании.

- Н-но, впрочем, кажется, у меня появилась женщина, с которой я нашел общий язык, - быстро продолжил слуга.

И тихонько добавил, практически пробубнив себе под нос: «Хотя мы и встречались-то всего два раза».

Эван на мгновение задумался, а затем задал вопрос. В его голосе прозвучали властные нотки его отца.

– Скажи, меня можно назвать милым или что-то в этом роде?

От такого неожиданного вопроса Кобб встал перед труднейшей дилеммой. Пусть он и не считал Эвана милым, но из своего многолетнего опыта знал, что честность не всегда хороша.

Эван, увидев, что Кобб медлит с ответом, негромко произнес:

– Будь честен. Это приказ.

И Кобб ответил честно... Когда услышал, что это приказ.

– Вы вовсе не милый.

– Правда? Вообще-то, я и сам так считаю...

Кобб вдруг подумал, что честность может быть добродетелью для Эвана, что он не воспримет правду превратно. Не было причин лгать такому человеку, который способен быть таким объективным в отношении себя.

– Ты хочешь сказать, что я совсем не симпатичен и не выгляжу хоть капельку миловидно?

– Да, если честно, милорд даже производит довольно неприятное впечатление. Замкнутого, злого человека, если быть точным.

– ... Это очень прямолинейно, – закатил глаза Эван и снова спросил, – тогда зачем называть кого-то милый, если он вовсе не милый?

– Ну... Я не знаю. Я сам не очень-то часто употребляю слово «милый»...

– Меня интересует значение, которое вкладывает в него женщина, когда описывает им мужчину.

Услышав вопрос, Кобб потупил взгляд, припоминая, в каком контексте его последняя возлюбленная сказала ему это слово.

Его бывшая девушка была довольно стеснительной и добродушной, но однажды, когда он вырядился в город как клоун, она сказала: «Знаешь, это выглядит мило, но...»

- Ну, в случае, если женщина прямолинейная...

- Она - очень хороший и светлый человек.

Это была неоспоримая правда. Не будь она таковой, не смеялась бы над нелепыми шутками герцога.

Кобб быстро ответил на утверждение Эвана:

- Возможно, так говорят, когда хотят сказать что-то приятное, но особого повода для этого нет. По крайней мере, это мое мнение.

- ... О. Вот как.

Эван с самого рождения был окружен людьми, скорбящими по его матери, Матильде. Каллаудин был вне себя от злости из-за того, что сын позволял подчиненным обращаться с собой панибратски. Не говоря уже о словах Людвы, который однажды даже сказал: «Лучше бы ты умер, а не она». Эти слова стали для мальчика самыми тяжелыми, в них была отражена невероятная ненависть, которую он когда-либо получал за всю свою жизнь.

Им всем нужна была Матильда, а не он, поэтому он в принципе не считал Людву в чем-либо неправым.

Ощущения отчужденности обострились, когда Каллаудин отослал Эвана в Академию. С ранних лет он думал, что должен жить, беспрекословно искупая свой грех, поскольку Матильда значила для Каллаудина настолько много, что после ее смерти он стал совершенно другим человеком.

Поэтому мальчик бесспорно принял тот факт, что отец женил его на девушке, которую Эван ни разу не видел в глаза.

Он совсем ничего не ожидал от этого вынужденного брака...

Однако как ни странно, но когда он увидел лиловые глаза Ларии, ему вдруг почудилось, что он стал совершенно обычным мальчиком. Эван вдруг осознал, что есть множество дел, которыми он хотел бы заняться, или вещей, которые ему действительно нравятся.

Например, ему было приятно обнимать ее, когда она прижималась к нему во сне, или прикасаться к ней, как вот пять минут назад, когда она помогала ему встать.

Поначалу он хотел оправдать желание Ларии наладить отношения. Эван действительно этого хотел. В его глазах Лария была ярким, солнечным и удивительным человеком.

«Даже лошадь, в которую она не задумываясь ткнула пальцем, заняла первое место на скачках».

Ему внушили, что с самого своего рождения он приносил герцогу несчастья. Он жил, говоря не то, что хотел сказать, а то, чего от него ожидали. И выполнял приказы как марионетка, забыв о том, что он человек. Эван все время вспоминал слова Людвы, что не должен быть счастлив, что не должен принимать знаки внимания своей жены. В итоге мальчик наговорил лишнего и этим отдалил от себя единственного человека, который был к нему добр.

<http://tl.rulate.ru/book/49472/1645866>